

HARLEQUIN®

124

TM

Кейтлин Крюс

Похищенная Викингом

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Кейтлин Крюс

Похищенная викингом

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Крюс К.

Похищенная викингом / К. Крюс — «Центрполиграф»,
2021 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-10202-7

Эльфвину, дочь скончавшейся королевы Мерсии, похищает норманн по имени Торбранд, верный воин короля Рагналла. Девушка решает, что отныне ей предстоит быть рабыней мужчины. Он привозит ее в домик, стоящий на отшибе в долине у горячих источников, где лишает ее невинности. После нескольких месяцев тихой жизни, которая ей очень нравится, как и мужчина, с которым она проводит время в любовных утехах, Эльфвина начинает считать дом своим. Но внезапно их обоих призывает король Рагналл. Выясняется, что он намерен использовать Эльфвину в своих целях против ее дяди, короля Уэссекса Эдуарда, но позже, время для действий еще не пришло. Торбранд давно получил от своего короля задание охранять леди саксов, однако следующий его шаг будет сделан не только ради долга, им руководят чувства...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-10202-7

© Крюс К., 2021

© Центрполиграф, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Кейтлин Крюс

Похищенная викингом

Caitlin Crews
Kidnapped by the Viking

© 2021 by Caitlin Crews
© «Центрполиграф», 2023
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2023
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

*Моему любимому профессору Марку Амодио, давным-давно
привившему мне любовь к старой английской литературе*

Глава 1

Посреди дороги, как гора, стоял огромный уроженец севера, великан, внушающий ужас, преградивший путь через погружающийся в темноту лес. Сначала Эльфвина решила, что у нее галлюцинации. Они уже так давно выехали из укрепленного бурга Тамворд, где шесть месяцев назад ее мать, всеми любимая госпожа мерсийцев, отошла в мир иной... Они двинулись в путь до рассвета и, несмотря на зимний туман, взяли неплохой темп. В этот полный грусти день каждая промерзшая грязная кочка на дороге казалась Эльфвине особенно отвратительной, возможно, из-за усталой лошади, выделенной дядей для долгой дороги на юг, в великое королевство Уэссекс. На сердце было тяжело от боли, от этого каждая трудность переносилась сложнее.

Мысленно она обратилась в будущее, пытаясь представить, какой будет новая, спокойная жизнь в Уилтонском аббатстве. Сердце сжималось от тоски по тому, что осталось позади, что уже никогда не вернуть.

И вдруг появился он, похожий на чудовище из ее кошмаров. Тех, кого Эльфвина видела много раз, и наяву, и во сне, все из-за множества сражений, свидетельницей которых ей довелось быть за недолгую жизнь. Она рождена внучкой короля Уэссекса Альфреда Великого. Дочерью королевы-матери Этельфледы, единственным потомком той, кто отразила множество нападков врагов, посягавших на их земли, мечтавших захватить их и назвать себя правителями, о них теперь уж никто и не вспомнит. Эльфвина винила таких вот дикарей с севера – данов или скандинавов – в гибели матери в прошлом июне и отца за семь лет до этого. Все из-за этих воинствующих племен с востока! Их опустошительные набеги никогда не закончатся! Стоит одолеть врагов на западе, как поднимают головы те, кто на востоке, потом на севере и юге. Неизменным остается лишь кровопролитие. Кровь льется всегда и везде, окрашивая землю под ногами Эльфвины.

Но чувство вины и кровь не помогут ей расчистить дорогу этим вечером. Дикарь с севера был высок и широкоплеч, в одежде из меха и шерсти, не скрывающей, впрочем, его мощь. Он, несомненно, был воином, судя по тому, как держал себя, выражая всем видом скрытую угрозу. Снег, падавший редкими хлопьями с полудня, покрывал его плечи, темные волосы и бороду, но он, казалось, не замечал ни этого, ни возвышавшихся рядом с ней двух солдат, выделенных для охраны тем же заботливым дядей.

Его мрачный взгляд поразил Эльфвину, словно ядовитой стрелой, заставив порадоваться наличию капюшона на плаще, ставшего хоть на время защитой. Впрочем, никто не примет ее за простолюдинку даже без охраны. Она ехала верхом, одежда добротная, остается лишь надеяться, что он не разглядел искусно сделанные булавки с драгоценными камнями, которые способны громче человека рассказать каждому встречному, кто она такая.

– Прочь с дороги! – выкрикнул один из солдат.

Поздновато, по мнению Эльфвины. Дикарь и не думал повиноваться. По правде говоря, он уделил окрику не больше внимания, чем деревья по обе стороны лесной дороги.

– В наших руках знамя короля Уэссекса Эдуарда! – воскликнул другой сопровождающий девушки. – Осмелишься ли ты вызвать его недовольство?

– Что-то я не вижу перед собой короля, – произнес человек низким, грубым голосом, от которого Эльфвину замутило.

Старая лошадь под ней от страха двинулась боком к лесу, где была уже непроглядная темень.

Не без жалости к себе, которой стыдилась даже перед этим великаном на дороге, она подумала, что на благополучный исход надеяться не приходится. Удержав кобылу, девушка постаралась отбросить мрачные мысли, не смотря при этом на разглядывавшего ее воина.

Эльфвина мечтала лишь заставить его повиноваться, чего не получилось у сопровождавших ее солдат, хотя, судя по крепости голосов, у них не много мужества, возможно, что и стало решающим фактором при выборе кандидатов на бесславную роль ее охраны. Доставать кинжал, который девушка всегда носила под одеждой, пока не стоит, к тому же у воина наверняка тоже найдется оружие. Если последние полные тягот месяцы чему-то ее научили, так это хорошо владеть собой. Она не выжила бы, если бы пошла на поводу у темных внутренних желаний.

Она выросла при дворе отца, затем была спутницей матери все семь лет правления Этельфледы после его кончины. Всего год назад она была уверена в будущем. Мать не боялась ничего – ни мужчин, ни войска. Этельфледа захватила пять районов Денло – территории врага, который более ста лет осаждал эти земли. В последний год правления госпожа мерсийцев отвоевала у данов Дерби, приняла капитуляцию Ланкастера, христиане Йорка предложили ей свою лояльность, но она не успела принять ее из-за кончины. Оставив править после себя Эльфвину.

Однако девушка давно признала, что отличается от матери не в свою пользу. Она слишком часто испытывала страх, и его сокрытие было для всех очевидно. Мужчины – и воины, и даны, и норманны, и саксы – все, толпящиеся у трона, нашептывали ей, как поступить и что сделать, чтобы выгодно отличаться от союзника на юге, – Уэссекса, которым и правил ее дядя, король Эдуард, считавший себя, а не сестру, правителем земель, позволившим из милости разделить с ним власть. Подобное одолжение он не собирался оказывать племяннице, к тому же лояльность ее нельзя было заполучить так же легко, как в случае с сестрой.

«Я мог выдать тебя за своего союзника», – известил он, когда явился забрать Тамворд, разрушить все, что осталось от надежды Мерсии на независимость, и сделать то, чего Эльфвина боялась больше всего в жизни.

Но ведь всегда есть риск, что союзник станет врагом, верно? Если бы Эльфвина слушала, что ей твердили, даже поступала так, как советовали, чего ждали и, не колеблясь, заявляли в ее присутствии, если бы действовала как матушка, не подумав дважды, давно стала бы тем самым врагом. И никто не стал бы осуждать вставшего против нее дядю.

Она отлично это знала. Ее спасло умение молчать, кротость, которую она демонстрировала, закутавшись в нее, словно в этот шерстяной плащ, не обращая внимания на давившую изнутри тяжесть. Именно поэтому сейчас она готовится доживать свой век в аббатстве, а не лежит в могиле, куда мечтал отправить ее дядя. И за это его тоже никто не стал бы осуждать. «Это проявление моего милосердия, дорогая племянница, – сказал он ей, когда сообщил о решении, и глаза его сверкали не злобой, конечно, но все же недобро, – мой подарок тебе в память о покойной сестре». Тогда, как и сейчас, Эльфвина стояла, склонив голову, хотя в самой глубине души появилось желание расправить плечи, как мать, и принять бой. Возглавить войско. Брать города. Управлять королевствами. Атаковать врагов и заставлять их пасть перед собой. Но на то была способна одна-единственная госпожа мерсийцев. Эльфвина прекрасно понимала, что никогда не выдержит сравнения с ней. Такова истина.

И не только потому, что желала на самом деле мира, а не войн и сражений. Она всегда старалась этого добиваться, используя те способы, которые были в ее распоряжении. Она стала кроткой и благочестивой, красивая церковная латынь станет ее оружием и в надвигающейся ночи.

– Я пришел за леди, – сказал норманн людям ее дяди. Его голос не был ни красив, ни мелодичен, но эффект впечатлял. За все это время он так и не пошевелился, будто был высечен из камня. – Я не буду с вами бороться, но, клянусь, если попытаетесь меня остановить – и стволы этих деревьев станут красными от вашей крови.

Голос был таким грозным, что Эльфвина ощутила, как напряглось ее тело, даже кожа натянулась, и по ней побежала дрожь. Она могла сделать лишь то, что и всегда с того дня, как умерла матушка. Надо склонить голову и надеяться, что силы, которые ее оберегают, сжалятся и вновь помогут. Надо выжить любой ценой.

Норманн внимательно взгляделся в лица солдат, будто по ним мог понять их характер.

– Уйти сейчас – самой мудрое, что вы можете сделать.

– Леди направляется в Уилтон, – осмелился произнести один из солдат, хотя неуверенность в голосе сделала фразу больше похожей на вопрос, – в женский монастырь, по приказу короля.

– Эти дороги коварны, – произнес воин, – зимой они могут быть опасны. – Говорил он тихо, но одного взгляда Эльфвине было достаточно, чтобы понять, как он напряжен. И явно держит ее под прицелом. – Разбойников и волков предостаточно, – продолжал он, – а вот королей мало. Кто знает, что случится в столь опасном месте с таким хрупким созданием.

Эльфвина с трудом перевела дыхание, перестав делать вид, что молится. Солдаты дяди, во все глаза смотревшие на норманна, на мгновение покосились на нее, на их лицах читался ужас и нежелание рисковать собой. Они не обращали на нее внимания, будто она была случайностью, которая никак не повлияет на их решение.

Эльфвина собрала с духом и произнесла:

– Мой дядя – могущественный человек, теперь он правит Мерсией. – Она хотела напомнить об этом солдатам, и надеялась, что грозный великан тоже прислушается. – Как ты смеешь угрожать ему?

Воин перед ней выглядел так, будто ночь не сгущалась, а снег не усиливался. Будто он знал, как все закончится.

– Лучше скажи, как ты смеешь угрожать мне? – Грозный рокот взлетел к верхушкам деревьев.

Эльфвина, к своему удивлению, заметила, что затаила дыхание, внутри возникло странное смятение. Непонятно, к кому сейчас он обращается? Кажется, скорее к ней, нежели к воинам.

И тогда она принялась по-настоящему искренне молиться, чтобы высшие силы послали ей помощь, если ее не могут оказать бесполезные воины дяди. Впрочем, она отлично понимала, что в такую погоду только дураки и разбойники отважатся находиться так далеко от мест обитания людей. Сейчас, на этом отрезке пути, точно, потому как она не питала глупых надежд, что сможет избежать угроз страшного времени года и остаться невредимой.

По правде, ей не стоило удивляться, когда двое всадников с яростными криками спешно развернули коней, пришпорили их и поскакали назад той же дорогой, по которой только что приехали. Трусы, жалкие душонки.

Эльфвина сбросила с себя маску покорности, пнула в бока свою старую лошадку, но...

Он вновь оказался на ее пути, хотя никакого движения рядом она не заметила. Затем этот северный воин легко отобрал у нее поводья. И замер, остановив на ней мрачный взгляд. Ярость была подконтрольна ему, хотя, казалось, он готов отразить ее атаку, раз на это не осмелились охранники.

Кинжал привязан к бедру, она ощущает, как давит на ногу перевязь. Но как ей достать его сейчас под этим пристальным взглядом? Едва ли он будет стоять и ждать, пока она справится с верхним плащом и подбитым мехом нижним. Не говоря уже о юбках красивого платья с вышивкой, к которому она надела ожерелье матери, и о белье из тонкого льна. Только преодолев все эти преграды, можно добраться до кинжала.

Норманн слишком близко. Он остановит ее одним ловким движением, как завладел поводьями лошади. К тому же блеск его темных, как трясина, глаз подсказывал, что он не только знает, что у нее есть оружие, но и где она закрепила его, находясь в Тамворде еще сегодня утром. Воин перед ней силен и опасен, хотя под его плащом и не видно оружия.

– Отпусти меня, – произнесла она со всем достоинством, на которое способна женщина, лишенная возможности сопротивляться. – И я обещаю, тебя не накажут.

– Чего стоят твои обещания, – ухмыльнулся он, – когда ты не можешь отстоять ни их, ни свою честь.

Эльфвина спрятала руки в складки верхнего плаща, чтобы не показывать, как сильно они дрожат, не демонстрировать свою слабость. Очень хотелось опустить ниже капюшон, чтобы закрыть лицо, но она не рискнула, ведь хорошо знала, как страх женщины распаляет тайные желания мужчины, и не хотела тому способствовать. Внезапно вспомнилась матушка, всегда готовая атаковать и дать отпор, всегда хладнокровная.

Воин перед ней был так высок ростом, что ей, сидящей на лошади, надо было совсем чуть-чуть наклонить голову, чтобы смотреть ему в глаза.

– Солдаты сказали правду. Король Уэссекса Эдуард – мой дядя.

Она замолчала, ожидая увидеть, как изменится его лицо, как появятся на нем испуг и благоговение. Вдруг он не заметил в руках сбежавших солдат знамя с золотым драконом и именем короля. Но нет, лицо воина было словно высечено из камня, на нем не отразилось ни страха, ни почтения.

– Сейчас он в Тамворде, это около суток пути. Если я пострадаю, тебе не будет пощады.

– Вот как? – В голосе слышалось легкое удивление, но ни один мускул не дрогнул.

– Твой дядя, леди Эльфвина, не проявляет к тебе благосклонности. Или не он лишил тебя права по рождению сидеть на троне и забрал Мерсию?

Ее бросило в жар, потом в холод. Губы стали непослушными, хотя она и пыталась убедить себя, что причина – в упавших на них снежинках.

– Откуда тебе известно, кто я?

– Кто же тебя не знает, леди Эльфвина? – ответил вопросом на вопрос норманн, в котором ощущалась скрытая угроза. Глаза вновь сверкнули, причина чего была ей непонятна. Однако казалось, он прикоснулся к ней, она буквально кожей ощущала его ладони. – Ты обладаешь большими правами на Мерсию, чем тот, кто объявил себя ее правителем и еще жив.

Последние два слова он выделил интонацией, отчего Эльфвина замерла, стараясь не поддаться панике. Жаль, ей не найти в себе силы прыгнуть с лошади, которую она покорно передала во власть воина, и он держал поводья так, будто она действительно принадлежала ему. Очутившись на земле, можно попробовать убежать в лес и скрыться в его темноте. Но этот человек неспроста выбрал подобное место. Дорога и ее окрестности опасны даже погожим летним днем, а сейчас зима, через три недели будет ее середина, и среди голых деревьев не спрятаться, стремление же найти спасение приведет ее к неминуемой смерти от холода.

Вдали завыл волк, и по телу побежала дрожь от ледящего душу звука.

– С твоей стороны было бы разумно задаться вопросом: какое будущее выбрал для тебя дядя, каковы его планы относительно тебя? – Воин повернулся и оглядел мрачную картину – дорога, лес, полный опасностей. Блеклый свет с неба отбросил пятна на землю, последние перед наступлением ночи, – пугающее предупреждение. – Скоро ночь, а тут и близко нет жилья. Напади на вас разбойники, спасли бы тебя солдаты? Я даже не вытащил оружие, а они уже сбежали.

«Значит, на меня должны напасть. – Сердце от этой мысли забилось сильнее. – Вероятно, норманны».

Кто он такой? Почему говорит все эти слова, когда мог бы спокойно убить ее? Достаточно было взглянуть в бездонные, как пучина, темные глаза, чтобы понять: он совсем не похож на тех двоих, которые, не раздумывая, бросили ее. Стоящий перед ней воин справится и с диким зверем, и с армией людей, найдет спасение от темноты, холода, голода и любой угрозы, которая может возникнуть на дороге путника.

Перед ней дикий норманн, который так же, не колеблясь, прольет кровь и заполучит любой трофей, какой пожелает.

– Какая польза от правды? – пробормотала Эльфвина, внезапно найдя в себе силы и вспомнив слова, которые матушка повторяла достаточно часто.

Сейчас они не принесли утешения. Холод, заволаживающий взгляд воина и страх постепенно сковывали тело, как бы она ни пыталась бороться с их воздействием.

– Хорошие слова. – Губы мужчины чуть изогнулись.

Эльфвина ощутила, как внутри ее вспыхивает пламя, крик боли готов рваться наружу.

– Как думаешь, они спасут тебя?

Она впиалась глазами в его лицо, пытаясь уловить хоть частички милосердия, но их не было и в помине. Зато девушка смогла разглядеть черты мужчины, ведь теперь он был совсем близко. Темные волосы, припорошенные снегом, заплетены в косы, чтобы не падали на лицо. Иней на бороде, который норманн, похоже, не замечал. Настороженный взгляд, глаза цвета полуночного неба – такого темного оттенка синего, что ночью кажется черным. Он грозный, беспощадный воин, это очевидно, но он не был отталкивающе груб, как можно было ожидать. Напротив, он заинтриговал ее, она смотрела на него во все глаза. Движения его были ловкими, несмотря на рост и внушительные размеры, держался он так, как способны совсем не многие мужчины, – уверенный, что мир этот принадлежит ему. Он был столь же великолепен, сколь и ужасен. Эльфвина была полностью в его власти.

Ее мать воспитывали воином, она переняла военную тактику своего отца, короля Альфреда, одержавшего немало побед над норманнами, норвежцами, данами. Этельфледа росла, зная, что настанет день, когда она будет командовать войском, вся ее жизнь была посвящена войне. Но следовала собственному указу, написанному после того, как впервые за десятилетие брака стала матерью, согласно которому отказывалась рисковать собой впредь, рожая детей.

В сложившейся ситуации она посоветовала бы дочери думать, а не паниковать.

Эльфвине очень не хватало матушки.

К счастью, тревожные месяцы правления, интриг и притворства позади. Но есть дорога, темный лес, полный хищников, и грозный воин. Ничего не изменится, даже если она очень захочет.

Остается лишь молиться. Его не одолеть. Он захватит ее в плен, не обнажая меча. Но она не опозорит себя, дочь госпожи мерсийцев, страхом. Если бы она могла дотянуться до кинжала, если бы не сбежали в панике трусливые солдаты дяди... Спокойная, безопасная жизнь – всего лишь сказки, которые рассказывали ей в детстве у камина. Все это осталось в прошлом, сейчас есть только... она, больше рассчитывать не на кого. Как и всегда.

Впрочем, сейчас история совсем другая, многое в ней изменилось. Весь сюжет, пожалуй. Девушка замерла не от леденящего душу страха на этой лесной дороге.

«Я дочь своей матери Этельфледы, – сказала она себе. – Похожа я на нее или нет?»

Чтобы доказать это прежде всего себе, она посмотрела, не отводя взгляда, прямо в глаза мужчины. И улыбнулась его осведомленности и пониманию.

– Сомневаюсь, что ты пришел в заснеженный лес в такую погоду, чтобы спасти меня. Скорее убить, верно? Ты можешь поступать как заблагорассудится, это известно нам обоим и даже тем волкам, которые воют в лесу.

В душе она совсем не была так спокойна, как можно было предположить по голосу. Улыбка сползла с лица, Эльфвина вскинула голову, готовая сражаться. Ведь в ней кровь королей, правивших с давних времен. Это единственное, что ей остается.

Темные глаза воина сверкнули, но она не отвела взгляда.

– Тебе решать, какой отдать приказ, я готов на все, чтобы заслужить твою благосклонность.

Глава 2

Она ожидала совсем не этого.

Торбранд почти всю половину текущего года работал на результат сегодняшнего дня. Ему самому, его брату Ульффрику и кузену Леифу было дано это задание самым могущественным королем гаэлей Рагналлом, которого эти мерсийцы давно ненавидели и боялись. Они все были еще безусыми юнцами, когда ирландские правители изгнали их народ из Дублина. Они выросли и стали сильными и преданными людьми, закаленными не одной кровавой битвой, и повидали их немало на жизненном пути.

Они были не только родственниками, но и братьями по оружию, и друзьями. Внушающие страх грозные воины сражались с честью и славой за земли, отвоеванные Рагналлом, от острова Мэн до Нортумбрии, чтобы вернуть Ирландии то, что было отобрано пятнадцать лет назад, они отражали набеги шотландцев в приграничных районах.

В последнем сражении при Корбридже Рагналл прибег к хитрости: придержал колонну, которую возглавлял, дав возможность шотландцам решить, что они всех разбили, затем внезапно атаковал и одержал победу.

Рагналл стал меньше планировать битвы, а больше думать, как добиться цели другим путем, не только ударами кулаков и топора. Кому из преданных людей можно доверить претворение в жизнь хитроумных планов.

Торбранд хорошо помнил, что такое задание – честь для любого, он много месяцев разрабатывал операцию и ждал момента послужить своему королю не только с оружием в руках во время битвы, но и на другом поприще, где также обязан проявить себя с лучшей стороны. Впрочем, боги свидетели, он не чувствовал себя польщенным, что получил такое задание.

И еще он был уверен, что леди Эльфвина будет дрожать от страха и лить слезы, как делали все женщины из знати саксов, потом они возносили молитвы своему христианскому богу и падали в обморок, понимая, что не услышаны. Торбранд считал, что лучше иметь больший выбор богов: есть надежда, что кто-то один поможет, ведь боги так непостоянны.

Эльфвина молилась, он разобрал несколько старых римских слов, но в остальном она вела себя совсем не так, как ожидал. Он не видел ни слез, ни страха в глазах, она смотрела на него открыто, даже с вызовом, что волновало кровь. Торбранд был воином, а не слабаком, поэтому желал, чтобы в его народе было больше смелых женщин-воительниц. Не таких, как эти мрачные, бесчувственные христиане с их благочестием.

Но эта женщина, мерсийская принцесса, которую ему поручили перехватить в дороге, притягивала его внимание, она даже немного напоминала...

Он поспешил отбросить неприятные мысли. Прошное не имеет теперь никакого значения.

Случившееся воспоминаниями не изменишь. И Торбранд давно это усвоил.

– Ты готова отдать себя в мои руки?

Звуки голоса походили на скрежет металла. Сам же он при этом не сводил взгляда с ее прекрасного лица, которое не скрыла ни намотанная на голову ткань для тепла, ни накиннутый сверху капюшон. Воин искал малейший признак страха, но не находил.

Но ведь она не могла не испытывать его, оставаясь в темном лесу наедине с человеком, которого определенно считала чудовищем. Подойдя ближе, Торбранд отметил, что она все же дрожит, хотя и совсем немного. Глаза ее отливают золотом, а какой мужчина не падок на золото, и смотрит она прямо на него, неотрывно.

«А она смелая», – довольно подумал Торбранд и попытался представить, как приятно было бы лечь с ней. И получить облегчение, устроившись между ее бедрами.

– Как женщине отдать то, что уже отобрано на дороге в темном лесу? – произнесла Эльфвина с легкой насмешкой в голосе.

Чем вновь удивила Торбранда. Следом накатила новая жаркая волна желания.

– Но женщина всегда может предложить сама, кто же откажется от дара?

– Я предпочитаю быть осторожной в выборе подарков. – Она сидела перед ним на лошади, расправив плечи, совсем не такая, какой он счел ее в самом начале, – покорно склонившей голову и бормочущей молитвы. Сейчас он был заинтригован, кровь в теле превратилась в жаркие, будто огненные реки. – Чем значимее подарок, тем больше ожидается в ответ. Разве не так?

Нечто похожее он слышал в детстве. Это на мгновение вызвало забытые чувства. Он не допускал и мысли, что они могут быть чем-то похожи, ведь она почти королева, представлявшая огромную ценность, способная дать избраннику власть. Но ее изгнали, лишив земель и народа. Она могла кануть в безвестности, прожив жизнь в нищете в монастыре, о ней не славали бы песен, не упоминали в летописях, она ни для кого не представляла бы ни интереса, ни угрозы. Совсем недавно она была для него лишь товаром, который он намеревался присвоить, а затем увезти в дальние земли, где будет жить с ней, в мире или нет, но вместе совершенно точно.

О мирной жизни ему вообще известно мало. Может, еще и узнает, если она свалится на него, как боевой топор.

– Едва ли в этом лесу жизнь подчиняется иным правилам, – с грустью произнес он.

Торбранд обращался не столько к ней, сколько к себе. Сейчас он не имел права забыть о деле, как бы тому ни способствовало присутствие этой девушки. Из-за нее он вспомнил о прошлом, которое всеми силами старался забыть. Нельзя забыть, какое у него дело к ней, и отказаться от его исполнения, даже если она спрыгнет на землю, в дорожную грязь и падет перед ним на колени.

Он исполняет приказы короля, а не действует по собственному желанию. Никогда он не владел такой привилегией, не следовало пытаться задуматься о праве и сейчас. Торбранд не двинулся с места, стоял, не шелохнувшись, и смотрел на девушку. Она восседала на лошади так гордо, словно королева, которой и была последние шесть месяцев, приводя в ярость своего дядю.

– Скажи мне, Эльфвина, что ты предложишь мне за свою жизнь?

– Мне ли решать, чего стоит моя жизнь?

Торбранд хорошо знал эти игры и терпеть их не мог. Слова – мечи при королевском дворе, где шепот может отравить, а слухи убить. Все же приятно, что она владеет таким оружием, хотя он и не ценил это качество, ведь сам добивался победы лишь с помощью настоящего меча. Всегда.

– Какие философские размышления, леди. – Он увидел, что она сжала зубы, хотя не прекращала дрожать, и счел это хорошим знаком. Пусть лучше боится, чем думает, что может порвать его на части своим оружием – острым языком. – А снег по-прежнему идет, волки воют. Как думаешь, где ты могла очутиться этой ночью?

Эльфвина рассмеялась, чем внезапно напугала его, а ведь он человек бывалый, готов был поклясться всеми богами, что на этой земле нет ничего, способного вызвать его страх. Ее смеху это удалось. Не только дерзость, но и сами звуки. Они напоминали о резвом весеннем ручье, бегущем с гор на новой земле, названной Исландией, – он увидел ее впервые прошлым летом и теперь тщательно хранил воспоминания о завороживших его горах, похожих на спящих драконов, и прибрежной полосе с черным песком и валунами.

Он ничего не имел против жизни там.

Кто раньше, кто позже, но каждый мужчина должен обрести свой кусок земли. Для него проблема заключалась в том, что все земли, которые он видел, были пропитаны кровью. Они

переходили из рук в руки, их отвоевывали и отдавали врагу снова, ни один меч в мире не был так силен, чтобы никто не мог с ним справиться. Войны никогда не заканчиваются по-настоящему, перемирия не приносят ничего хорошего, лишь волнения и ожидания, которые могут длиться и сотню лет. Может, и больше.

У Торбранда когда-то давно был дом, который он был обязан защищать мечом и всем телом, силой своих рук и сердца. Он хорошо знал, чего может лишиться человек, находясь в меньшинстве, когда недостаточно одного меча и внутренней решимости. Он никогда не забудет то кровавое утро в Дублине, когда потерпел неудачу. Не забудет лицо матери в миг, когда она повалилась на землю. Все потому, что он не смог защитить ее, как был должен. Вражеский воин отшвырнул его в сторону, как ребенка, а он был уже пятнадцати лет от роду, и напал на матушку, зарубил ее, а он смотрел и ничего не сделал. Стыд за свой позор до сих пор терзал душу. Мама была отважной, красивой и умной. Она подарила его отцу много сыновей и не боялась за свое будущее. Другие женщины тогда молили о пощаде, а матушка бросилась на врага, будто хотела выцарапать ему глаза. Она боролась за свой дом, но его все равно сожгли.

Торбранд никогда никому не рассказывал об этих событиях. О том дне, когда ничего не смог сделать, чтобы противостоять ирландским королям, выгнавшим его народ из единственного дома. Им приказали убираться с острова. Или умереть.

Тогда он поклялся себе, что у него не будет больше дома вместо того, от которого осталось лишь пепелище и который он потерял вместе с матушкой, потому что не смог ее защитить.

Он убедил себя, что все последующие годы были даны ему судьбой для искупления вины. С того дня он неустанно тренировался, вскоре повысил мастерство и сражался намного лучше, чем в годы юности. Чтобы давать отпор. И одерживать победу. Вновь и вновь рисковать жизнью. Делать то, на что не был способен, когда это было особенно нужно. Он давно свыкся с мыслью, что именно так должен поступать, чтобы заслужить прощение и милость богов. Искупить вину за несделанное когда-то.

В эти мрачные, залитые кровью годы он время от времени задавался вопросом: существует ли в этом мире иная жизнь, нечто отличное от череды зверских битв? Криков и лязга стали. Иногда он мечтал о доме. Настоящем доме, а не шатре, построенном недалеко от поля боя, о месте, где мог бы жить, не сражаясь, и чувствовать себя свободным.

Впрочем, он знал, что думать так в его случае постыдно. Мужчина должен держать в руке меч и мечтать о Валгалле, пока боги не заберут его. Мужчина должен думать об уважении, которое можно заработать только на поле боя. В самый темный день своей жизни Торбранд поклялся, что навсегда останется воином, даже если очень захочет изменить жизнь. Он не из тех людей, которые мечтают о тихой жизни фермера, чьи мысли лишь о смене сезонов, увеличении урожая и поголовья скота. Торбранд родился заново в день, когда был юношей, восстал из пепла и стал грозным оружием. Он стыдился мыслей о том, что хотел чего-то большего от жизни.

И вот перед ним женщина саксов, смеющаяся, вместо того, чтобы трястись от страха, будто она находила забавным собственное незавидное положение. Она была так похожа на матушку в тот злополучный день!

– Рад, что смог развеселить тебя, леди Эльфвина, – произнес он, когда смех прекратился, вызвав неожиданную тоску и давление в груди. Это ощущение он добавит к основной коллекции упреков в свой адрес, к грузу, терзавшему совесть, совсем не похожему на тот, который перевозят на торговых кораблях. – Надеюсь, нам будет легче договориться.

Цепкий взгляд золотистых глаз не отпускал его.

– Так ты не собираешься меня убивать? Хочешь получить выкуп?

– Выкуп? – Он не рассмеялся, но дыхание его все же сбилось, что было видно по клубам пара. – Боюсь, ты переоцениваешь себя в глазах дяди. Человек, который беспокоится о безопасности другого, никогда не отправит его с такой охраной. Толстые мешки с вещами, кото-

рые непременно привлекут разбойников, и два трусливых солдата, чтобы им противостоять. У тебя есть еще что-то для защиты, кроме молитв?

Щеки Эльфвины залились румянцем, но она не пала духом.

– Не мне ставить под сомнения решения дяди. К тому же он еще и мой король.

– Тогда я с удовольствием спрошу с него. Он не мой король.

Она не дрогнула, хотя Торбранд ожидал увидеть слезы от испуга. И не только потому, что она женщина, ведь он вырос на легендах о женщинах-воительницах и валькириях. Его собственная мать воспитала в нем мужество и доказала свою смелость. Но в народе распространилось немало слухов о разочаровавшей всех дочери госпожи мерсийцев. И не важно, что она формально не была королевой, а лишь женой олдермена, но это было не так важно на поле боя, когда она вела войско, как настоящая королева, она была достойным противником. Дочь же ее, как рассказывали, лишь склоняла голову и начинала бормотать молитву вместо того, чтобы принимать решения как правитель. Будь она мужчиной, все было бы иначе. Торбранд не получил бы такое задание. Его отправили бы сражаться.

Однако есть разные способы одержать победу, теперь он хорошо это знал.

– Значит, я не узнаю, какая меня ждет судьба? – спросила она, словно поняла ход мыслей Торбранда.

– Каждый из нас узнает будущее, когда оно придет. Но ни одна из твоих молитв его не изменит, леди. Все предрешиено.

– Почему-то мне кажется, что решение о моем будущем принимаешь ты, – произнесла она с тем хладнокровием, что так его впечатлило.

– Я не отдам тебя твоему дяде, – сказал Торбранд и оглядел богатый плащ, который из-за снега стал казаться не темным, а белым. – Ты ведь понимаешь, что он послал тебя на смерть?

– Боюсь, я лишь простая слабая женщина, вовлеченная в игры королей, – произнесла она после паузы, но ее твердый взгляд подталкивал к мысли, что это ложь. Она могла быть какой угодно, эта мерсийская принцесса, но только не простой. – Это моя мать вмешивалась в политические дела мужчин. Я предпочитаю другие занятия. Рукоделие, например. В прядении реже сталкиваешься с кровью.

Торбранд переступил с ноги на ногу, не убирая руки с шеи лошади. Он мог бы подойти ближе и поучить девушку, показать, что бывает, когда ему лгут. Однако внезапный порыв в душе заставил сдержаться. Мудрый муж не берет в руку молоток, если сгодится и перо.

– Мир этот создавался кровью, – промолвил он. Это и его кровь, и кровь, которую он пролил, кровь, которой запятнаны его руки. – Кровь, которая течет в тебе, делает тебя ценной добычей для многих. Пока ты жива, Эдуард всегда будет сомневаться, что останется до конца дней единственным правителем Мерсии.

Она все же дрогнула, хотя поспешила совершить движение, которому предстояло это скрыть. Торбранд неожиданно поймал себя на мысли, что его это не порадовало, как он ожидал ранее. «Ты не хочешь, чтобы эта девушка боялась, – прозвучал внутри его голос, словно отозвались боги. – Ты хочешь, чтобы она была с тобой, полная радости, яркая, живая».

– В этом нет сомнений, – настороженно произнесла она. На лице мелькнула тень тревоги, и оно вновь стало непроницаемым, будто она запретила себе пропускать смысл его слов внутрь. – Я готовлюсь принять святыя обеты, падать ниц я буду только перед ликом Бога. Оставим это королевство тем, кто будет им править.

Ему показалось или все же слышались в ее голосе нотки сожаления? Именно такой жизни она для себя желала?

Однако мольбы в ее глазах не было. Какая польза от жизни, посвященной Богу, если она пройдет в удушающей тишине, вдали от мира? По мнению Торбранда, это вовсе не жизнь. Особенно в случае леди Эльфвины, обеты – не ее предназначение, пусть и святыя.

– Ты не должна была добраться до аббатства, леди Эльфвина, говорю тебе это как друг.

Что-то озарило ее лицо, впрочем, больше похожее на вспышку гнева, и это нравилось ему больше, чем страх. Или стремление попасть в женский монастырь. Его самого всегда влекли лед и пламень, буря в открытом море. Бурный темперамент не позволял успокаиваться, а вот чувствительность в себе ненавидел и считал слабостью. Это всякий раз напоминало, что он потерял, что не смог уберечь. О матушке, которая была самой сильной из всех женщин, которых он встречал на пути, и самой нежной.

Торбранд не хотел вспоминать об этой нежности. Гораздо легче думать о свирепости, с которой она бросилась на ирландского воина, будто была настоящей воительницей. В таком образе ему было легче ее представлять. Впрочем, стыд за то, что из-за собственной слабости потерял мать, не важно, нежную или суровую, держал его за горло всю жизнь.

Торбранд взглянул на девушку и нахмурился, будто считал ее повинной в чувствах, которые она вызвала, хотя отлично понимал, что дело только в нем. Затем вспомнил, что всего минуту назад назвал себя ее другом.

«Не забывай, зачем ты здесь, – сказал он себе. – И в чьей игре участвуешь».

Он поспешил изменить хмурое выражение лица.

– Друг? Вот как? – Эльфвина вскинула подбородок. – Ты ведь тот, кто преградил мне путь.

– Поверь, я не самый ужасный из тех, кого ты могла встретить на дороге.

– А волки сжимают кольцо, и ночь все темнее. Время разбойников.

Румянец на ее щеках стал ярче, взгляд золотистых глаз глубоким, заставляя Торбранда задуматься, чем он мог пробудить в ней такую страстность. Он не представлял, что выполнение задания будет проходить именно так. Ему все виделось иначе.

Он сам давно забыл о чувствах и просто исполнял поручение, считал это правильным. Однако сейчас все по-другому. Совсем по-другому.

Эльфвина поджала губы, словно сдерживая себя сказать больше. Или словно поняла, что происходит с его мыслями и плотью.

– Похоже, во всем моем королевстве нет ни одной безопасной дороги. Страшные времена.

– В твоем случае предательство не только в организации путешествия. – Рука сама невольно потянулась к ней, он с трудом себя сдерживал – нельзя сейчас так глупо попасть в ловушку. – Ты не задумывалась, почему солдаты не остановились на ночлег в ближайшей деревне, а проехали мимо?

В ее глазах он увидел подтверждение, что она действительно этим интересовалась.

– Мы не хотели снижать темп. Впереди долгий путь, а погода все хуже.

Торбранд счел ее слова напоминанием, зачем он здесь. Пожалуй, неплохо, что девушка оказалась красивее, чем он полагал. Кроме этого, у него нет причин стоять здесь, не сводя с нее глаз и борясь с желанием прикоснуться. Дело в самой леди Эльфвине, а не ее положении. К сожалению, в будущем ему не получить ничего более приятного, будет лишь время, чтобы до конца изжить в себе это влечение. И не важно, какие воспоминания она в нем будит.

– Впереди, менее чем в часе езды устроили засаду разбойники, – произнес Торбранд, отбросив чувства, совсем ему не свойственные. Он воин, при виде которого враги трепещут от страха. – Если бы не я, ты уже в нее попала бы. И едва ли осталась бы в живых. Вопрос лишь в том, как тебя убили бы. И что тебе довелось бы вынести от мужчин, прежде чем тебя лишили жизни.

Он надеялся, что намеки напугают ее, шокирует осознание того, чего удалось избежать. Но она вновь удивила его, эта мерсийская принцесса, изнеженная, насколько он знал, ведущая комфортную жизнь то в одном дворце, то в другом. Ее дядя, отец, мать – все заботились о ней. У нее была армия слуг, обеспечивающих полное отсутствие проблем, а рядом велись войны,

гибли люди за те земли, на которые она могла претендовать лишь потому, что была королевских кровей.

Леди Эльфвина не дрогнула.

– Способов умереть немало. С каким-то из них мы столкнемся рано или поздно.

– Я восхищен, что ты с таким спокойствием принимаешь предательство дяди.

– Я столкнулась с предательством дяди? Об этом говоришь только ты. Я же не вижу разбойников в этом глухом лесу. – В глазах вновь появились золотые искорки, такие яркие, что он с трудом выдержал взгляд. – Ведь они могут быть твоими людьми. Норманнами, как и ты.

Торбранд неожиданно для себя усмехнулся. Вероятно, девушка намеревалась оскорбить его, используя слово как оружие, хотя норманны – одно из определений для его древнего народа, так их называли более сотни лет, по крайней мере, оно точно встречалось в песнях скальдов. Не даны, и не норвежцы. Иногда Дубхгойл или Финнгойл – в зависимости от народности говорящего. Но все и всегда называли их чудовищами. Чаше остальных, к большому удовольствию Торбранда, короли. Пусть эта леди Эльфвина называет его как хочет, если знает, что он хозяин положения.

Торбранд поднял руку и отпустил поводья ее старой клячи. От него не укрылось, как расширились ее глаза, а руки потянулись вперед... И так же неожиданно замерли, словно ожидая, что он может ей помешать.

– Что ты задумал? Какую хитрость? – спросила девушка. – Ты меня отпускаешь?

– Как пожелаешь, – был ответ.

Поднявшийся ветер сметал снег, ему показалось, он заметил, как отмахнулась она от мыслей, от которых появлялся в глазах золотистый блеск.

– Впереди в засаде десять человек, – предупредил Торбранд, наблюдая, как рука ее медленно тянется к поводьям. – Они покинули Тамворд за день до тебя. Называй их норманнами, если угодно. Если так тебе будет легче принять то, что они готовились с тобой сделать. – Он кивнул в сторону, куда усаkali недавно ее охранники: – Те двое показали себя отъявленными трусами, они наверняка сейчас скажут к твоему дяде, доложить, что исполнили его задание. Как полагаешь, им понравится, если ты вернешься? Конечно, все это при условии, что или ты, или они проживете еще достаточно долго, чтобы предстать перед королем. Зимой, знаешь ли, волки особенно голодны, это заставляет их рисковать еще больше.

Ее брови сошлись у переносицы, но это не остановило Торбранда.

– Как думаешь, леди Эльфвина, есть ли у женщины шанс с ними справиться? Если уверена в себе, в добрый путь. Но позволь напомнить, что даже твоя мать командовала войском, но никогда не сражалась в его рядах сама.

Торбранд замолчал в ожидании. Лицо вновь стало похоже на высеченное из камня. Ему было бы легче, будь она слабой и бессловесной. Если бы она плакала и умоляла, тогда он повелел бы, что делать, и она подчинилась бы. Он перевел бы ее в разряд жертв, хотя никакой жалости к ней не испытывал бы.

Увидеть представшую сейчас леди Эльфвину он не был готов.

Она сдастся, в этом нет сомнений, но не понастоящему, чего он так желал.

Ей предстоит сделать выбор здесь и сейчас. А потом снова и снова подтверждать его.

– У меня нет оснований доверять твоим словам, – произнесла она после минутного молчания.

Надо отметить, ускользнуть она не пыталась.

– А есть в этом мире человек, которому ты можешь доверять? – Ни выражение, ни поза Торбранда не изменились, лишь губы шевелились. – А если и есть, то не здесь. Рискнешь перечить мне? Или полагаешь, сможешь победить волков и людей своими молитвами?

Без тени жалости он смотрел, как она яростно втягивает воздух, сжав зубы, затем поворачивает голову в одну сторону, в другую, будто лес может помочь, с таким лицом, словно только заметила, как темно вокруг, как последние лучи света поглотили темное зимнее небо.

Торбранд не раз видел человека в таком состоянии. Когда он выжидал, готовясь к действию. К бою. Ожидал команды. Опыт не облегчал его положения.

– Предложение помощи для меня большая честь, сэр, – промолвила леди Эльфвина, когда он уже начал сомневаться, заговорит ли она. Вновь оглядев деревья, она слотнула и перевела взгляд на воина. Она смотрела в упор, открыто, потому что действительно была сильной духом. Что ж, это он ценил. – И я принимаю ее.

Торбранд почувствовал, что его будто распирает изнутри. С губ готов сорваться победный крик, словно он уничтожил армию врага, хотя на самом деле просто убедил одну женщину принять решение. Он мог отнять у нее это право, но видеть, как она сдается, намного приятнее.

«Возможно, ей приходится склониться впервые», – усмехнувшись, подумал он. Подобных моментов еще будет немало. Он полностью подчинит себе эту женщину, он в этом уверен.

Торбранд вышел из состояния, похожего на оцепенение. Движения его были настолько быстрыми, что Эльфвина вскрикнула. Этот звук для него лучше самой красивой мелодии. Теперь она увидит разницу между настоящим воином и теми слабаками, которых отправил с ней дядя в дорогу к смерти.

Он вскочил на лошадь за Эльфвиной и одним движением прижал ее к себе. Приятно, что ее спина касается его груди, его ноги прижимаются к бедрам девушки, а ее ягодицы – к той части тела мужчины, которой он так мечтал ощутить ее изнутри. Плащ ее и шарф скользнули вниз, она потянулась, чтобы их поправить, и Торбранд успел заметить, что волосы ее светлые и густые. Очень скоро он намотает прядь их на кулак и покажет, что она должна делать, стоя перед ним на коленях. Ведь христиане любят стоять на коленях.

Торбранд представил, как она будет умолять его об удовольствии, которое они могут дать друг другу. Он услышит ее молитвы к их избирательным богам, тогда он уже сам будет для нее богом. Боль, сильнее той, какую он когда-либо испытывал, сжала сердце.

Одной рукой он управлял лошадью, другую положил туда, куда хотел, не думая о реакции женщины. Теперь он отчетливо ощущал ее дрожь, но держалась она с тем же достоинством, что и раньше, когда он еще стоял напротив нее на земле. Она напряглась, но из груди не вырвалось звуков плача. Она не плакала, не пыталась что-то выторговать, не умоляла.

Торбранд отметил, что ему нравится чувствовать ее тело. И также нож, привязанный к ее бедру, что доказывало, что женщина эта не просто слабая принцесса Мерсии, как все думали. Это могло изменить их будущее. Даже не достав оружия, она уже вела себя с ним смело. Смотрела в глаза своему страху, но не поддавалась ему, потому заслуживает одобрения.

Все хорошо, если не обращать внимания на чувства, возникшие при воспоминании о прошлом, сожаление, что не может их изменить, хотя было ясно, что иного варианта нет и быть не может. Он увезет леди Эльфвину на далекий остров, на земли, где много снега и тишины. И там будут только они вдвоем. Он будет ждать, когда Рагналл велит ему явиться и привезти принцессу, когда падет Уэссекс, и ей надо будет заявить свои права на престол. Тогда придет время использовать ее как оружие в нескончаемой войне.

Но сначала она будет принадлежать ему.

Торбранд пришпорил кобылу, крепче прижал к себе пленницу, на которую имел все права, и свернул с дороги в темный лес.

Глава 3

Лес поглотил их.

Норманн крепко держал Эльфвину, рука у него тоже была словно каменная. Казалось, у воина нет слабых сторон ни внутренне, ни внешне. Торс его похож на стену крепости, ноги крепки, как скалы.

Эльфвина трепетала и понимала, что стало причиной страха, – она догадывалась, какая ее ждет судьба. Станным и непонятным было лишь то, как вел себя с ней, как говорил этот воин – играя словами и ею. Он ведь мог в любое время получить желаемое, а потом бросить умирать, обесчещенную и одинокую. Но ему не заставить ту часть ее, что похожа на пламя костра, взвиться до небес!

– Не противься, – прозвучал над головой голос, похожий на низкие раскаты грома, которые она не только слышала, но и чувствовала отдачу внутри, словно он заполнял ее, проникая извне. – Или сделаешь хуже только себе.

Эльфвине оставалось только догадываться, о чем он и почему слова проникают так глубоко в сердце.

– Будешь сидеть так всю дорогу, леди Эльфвина? – спросил он почти весело, насколько возможно для такого человека. – Несгибаемая, как одно из этих деревьев?

Ей не сразу удалось понять, что он хочет сказать. Она старалась держаться, а не просто казаться спокойной, надеясь оттянуть неприятный момент, но все же... присутствие этого мужчины трудно игнорировать. Насмешливый тон задел ее, и она позволила себе немного расслабиться и откинуться, будто на спинку стула, впрочем, совсем чуть-чуть.

Наградой и проклятием ей стал его приглушенный смех, он проходил сквозь ее тело, будоража, волнуя, заставляя против воли осознавать, что ее влечет к этому грубому воину, захватчику, который везет ее куда-то в неизвестность, и чем все закончится, сложно даже предположить.

Успокаивало лишь одно: убить ее он мог и там, где нашел.

Понять этих норманнов совсем непросто.

Думы ее становились все тревожнее по мере того, как ночь сгущалась, а снег падал все интенсивнее. Печальная истина заключалась в том, что Эльфвина знала о мужчинах больше, чем хотела бы. Может ли женщина вообще избежать этого опыта? Мужчины перемещались по миру, как им заблагорассудится, захватывали поселения, грабили, бросали людям монеты с изображением королей и передавали их указы. Когда заканчивалась резня на поле брани, а следом и пир в честь победы, когда они переставали петь песни и греметь кружками, все желали одного и того же.

Все и каждый.

Множество ночей за последние шесть месяцев Эльфвина провела в тревоге, зная, что у нее есть лишь одно оружие, которым едва ли можно противостоять мужчинам, и будучи уверенной, что они имеют право взять то, что она и не думала им предлагать. Благочестие она противопоставляла их похоти.

«Давайте прежде помолимся, сэр», – говорила она, призывая священников, когда была возможность, ведь, к сожалению, служители были зависимы от тех же страстей. В конце концов, они прежде всего мужчины.

Этот воин был язычником, а не христианином. Для него ничего не значат ни ее молитвы, ни священнослужители.

По приказу матери Эльфвина сохраняла невинность при ее жизни и после. Дело в том, что любой получивший ее мужчина, тем более став мужем, мог претендовать на Мерсию. Так сказал дядя. Норманн определенно знал об этом.

Матушка считала, что, если существует в этом мире человек, заслуживающий право стать мужем дочери госпожи мерсийцев, Эльфвина давно его встретила бы, а этого не произошло.

«Слаб тот мужчина, который будет заявлять, что достоин короны, – любила повторять Этельфледа. – А Мерсии, дочь, нужна сильная рука».

После ее кончины вокруг Эльфвины появилось много мужчин, видящих себя новым правителем Мерсии или благородными рыцарями, которые захватят ее и передадут дяде наследницы, вступившей в права после кончины госпожи мерсийцев, а взамен получают его покровительство. Смерть Этельфледы была внезапной, дочь испытала шок такой силы, что не представляла, что делать. Это хорошо понимали окружавшие ее люди. Они шли к ней один за другим, кто-то, угрожая, кто-то, пытаясь очаровать. Но все были сладкоречивы и лживы, каждый видел себя на троне в Тамворде, управляющим Мерсией, ведущей на юге нескончаемую войну с могущественным Уэссексом.

«Эдуард может предъявить претензии на все, что пожелает, – произнес тогда один из придворных, и не шепотом, как все, а так, что, кажется, услышал весь Тамворд. – Он обеспокоен, что вынужден со всех сторон отбивать нападки данов, и больше нет сестры, которая могла способствовать объединению Уэссекса и Мерсии».

Эльфвина давно знала, что стоит держаться подальше от шептунов и любителей инсинуаций. Задолго до того, как Эдуард собственным мечом снес голову тому громкоголосому придворному. Она понимала, что это в ее интересах, ведь она не желает себе той же участи.

Мать учила ее никогда не забывать, что даже гобелены могут слышать и передать сказанное врагам. Лучше произносить лишь слова воспевания и покаяния, и лишь обращаясь к небесам. Все, кто стремился использовать Эльфвину в своих интригах, с горечью обнаруживали, что в ее присутствии могут только возносить молитвы. Только это ее и спасало.

«Решила вступить в сговор со своими ухажерами, племянница? – спросил Эдуард, когда впервые прибыл в Тамворд, повергнув двор в ужас и заставив трепетать от страха. – Или ты уже с ними заодно? Это к их голосам ты прислушиваешься даже сейчас?»

И в тот раз она прибегла к проверенному способу защиты и спросила кротко, смиренно потупив взгляд: «Надеюсь, я достаточно глубоко погрузилась в молитву, дядюшка, чтобы слышать лишь голос Бога».

Слишком набожна, чтобы заметить угрозу. Целомудренна, чтобы обратить хоть малейшее внимание на мужчин, считавших себя достойными занять место ее матери. Или претендентам достаточно оказаться безрассудными, чтобы прямо или косвенно бросить вызов ее дяде.

Норманн, так уверенно прижимавший ее к себе, не был похож ни на одного человека, встречаемого ею ранее. В каждой его фразе была доля правды. Она ощущала это нутром, и еще то, что от близости его тела охватывает жар, словно вспыхивает в груди пламя.

Правда в том, что невозможно даже предположить, что ее ждет в будущем, и она отчетливо это понимала. Этот дикарь способен сделать с ней все, что пожелает, и нет сомнений, что он так и поступит.

Помимо осознания этого ей необходимо смириться с неотвратимой судьбой. Это ее удел, так было всегда.

Она не обольщалась и даже не надеялась, что будь матушка жива, то поняла бы ее чувства и помогла найти лучший выход. Будь Этельфледа рядом, скорее всего, ничего не сказала бы.

Дочери могущественных правителей становятся в лучшем случае примерными женами, заложниками противоборствующих семейств, теми, на кого возложена миссия укрепления связей родов путем произведения на свет потомства. Отцы выдавали дочерей замуж за врагов. Дочери делили ложе с теми, кто мог убить их братьев. Женское сердце должно быть прочным, ведь в течение жизни ему предстоит не раз быть разбитым вдребезги, но при этом каждая часть его должна жить, чтобы выполнить долг.

Хорошо бы Эльфвине понять, что это за долг в ее случае.

Давлению руки на ее талии сопротивляться не было смысла. Грудь, которой касалась ее спина, была похожа на каменную стену. На мгновение она задумалась, как было бы прекрасно вести спокойную, размеренную жизнь в Уилтоне, дни ее проходили бы в молитвах и тихом мирозерцании, вдали от посягательств мужчин. Эльфвина поспешила отбросить эти мысли. Воин мог взять ее сразу, но отчего-то этого не сделал.

«Ах, если бы всегда существовала приятная возможность выбора, – дерзко усмехнувшись, сказала бы сейчас матушка. – Если она есть, выбирай. А потом действуй. Чаще всего в жизни нам приходится довольствоваться лишь последним».

Он мог бы и убить ее, не медля, но тоже не сделал. Мог убивать медленно, прямо там, где остановил. Но на насилие не было и намека. Эльфвина решила, что надо счесть это благословением свыше. Благо. Подарок небес. А ведь ей было известно: в этом мире редко раздают подарки, которые потом не обходятся дорого.

Старая лошадка делала шаг за шагом, приближая ее к неизвестному будущему.

Остается гадать, послал ли дядя еще людей, поджидают ли они ее за следующим поворотом, чтобы схватить и убить. Или подобного не было в его мыслях. Или он поручил солдатам схватить ее и развлечься по своему усмотрению.

Эльфвина с трудом сдержала поднимавшуюся изнутри дрожь. Неужели дядя способен желать такую судьбу единственному ребенку родной сестры?

Девушка размышляла, пыталась оценить вероятность нескольких вариантов, краем глаза отмечая, что лес становится все труднее проходимым и мрачным. У нее нет ни каменного пояса, ни щита, которые могли бы стать защитой от неожиданностей темной ночи и нападения дикаря. Время шло, и она все больше склонялась к тому, что воин прав.

Дав ей в охрану двух нерадивых солдат, дядя хотел показать, как мало она для него значит, как мало его заботит, что с ней случится в дороге, главное, чтобы она исчезла из его жизни, любым способом, и больше не доставляла хлопот. Племянница ему не нужна, он хотел, чтобы та хорошо это усвоила. В определенном смысле это неплохо. Ведь, представляй она для него ценность, он ни за что не отослал бы ее от себя. Выдал бы, например, замуж за одного из нужных ему людей. Вероятно, матушка тоже планировала использовать дочь в интересах королевства, однако она никогда не допустила бы, чтобы дочь страдала. Эдуард же, скорее всего, даже не подумал бы о ее чувствах или о том, как будет относиться к ней выбранный в мужья. Она понимала мысли дяди лучше, чем ей самой хотелось бы.

Даже мужчина, испытывающий симпатию к супруге, в чьих руках власть, едва ли способен устоять от предъявления претензий на корону. А Эдуард не желал развязывать еще одну войну на своей территории, когда их и без того было немало у ее границ.

Данное Эльфвине позволение уехать было сделано лишь в своих интересах, а не ради ее блага. Учитывались также планы людей в Тамворде и всей Мерсии, возлагавших надежды на ее приход к власти, и их не разозлит его позволение набожной принцессе жить до конца дней в аббатстве в Уилтоне, и он будет выглядеть благодетелем. Позже, для устранения угрозы, будет достаточно отдать приказ убить ее, о его исполнении никто может никогда и не узнать.

Мысль не вызвала в ней ужаса, она знала, что короли всегда делают то, что хотят. Особенно ее дядя. Рядом с ним она всегда чувствовала себя пустым местом. Просто удивительно, что он не взял на себя устройство ее брака еще при жизни матери. Эльфвина знала, что была не единственной при дворе матушки, кто ожидал этого его шага.

Если норманн и солгал и впереди ее не ждут разбойники, ей все равно не удалось бы одной доехать до аббатства. Кто-нибудь наверняка да нападет, это лишь вопрос времени. На лесной дороге может появиться немало преград для путника: разбойники, кабан, плохая погода, враждебно настроенные жители ближайшей деревни. Все это могло и определенно случилось бы с ней, если пришлось бы отправляться в путь в одиночестве. Старая лошадка, возможно, и не доковыляла бы до этого места.

У Эльфвины вновь возникла мысль, что этот грозный воин мог с легкостью уничтожить ее охрану. И ее саму. Он был способен на это и без щита и меча, учитывая силу своих рук. Мог, но не сделал. Как и ничего другого не менее ужасного для нее. Это можно поставить ему в заслугу. Впрочем, как посмотреть: вероятно, это повод опасаться за себя еще больше. Будущее непредсказуемо, хотя Эльфвина призналась себе, что немного расслабилась. Совсем чуть-чуть.

– Не все в этой жизни должно быть сражением, Эльфвина. – В его низком голосе вновь слышались веселые нотки, причина этого была ей совсем непонятна. И еще меньше вспыхивающий следом жар в груди.

– Сказать так мог бы человек, который привык всегда побеждать, – парировала она, хотя и не стоило быть такой смелой. Она должна молиться, а не провоцировать.

Может, так влияет на нее лес? Или падающий на лицо снег? Слишком сильный контраст – ледяная кожа и огонь внутри. Может, это сделало ее безрассудной?

Эльфвина напряглась, ожидая, что последует дальше. Она во власти этого воина, он способен убить ее одним ударом, и в округе нет никого, чтобы остановить его, даже волков.

– Приятно, что ты понятливая, леди, – прогремел он, склонившись к самому ее уху. – Пусть в пути тебе помогает знание того, кто станет победителем.

Эльфвина задрожала так сильно, что не сразу смогла остановиться. Над головой прозвучали раскаты смеха, тяжелые, отрывистые, они проникали до самых печенок. И ее охватил страх от предположения, о какой победе он говорил.

Мать учила ее сражаться тем оружием, которое есть, так она и поступала. В юности ее компаньонкой была немолодая женщина, так как Этельфледа много времени проводила в заботах о стареющем отце Эльфвины и управляла двором. А компаньонка научила подопечную многим тонкостям борьбы совсем иного рода.

«Твоя мать королева, дитя мое, она имеет полное право считать себя Леди этого королевства, – говорила ей Милдрит уже очень давно. – Она ведет войны, в ходе которых теряют или завоёвывают земли. Однако большинство женщин сражаются совсем на другом поле».

«И что же мне делать? У меня стежки получаются такие неровные...» – жалобно протянула Эльфвина.

Тогда она была совсем девочкой, неловкой, нервной, пальцы же компаньонки порхали над куском ткани, словно мотыльки.

«Я имею в виду не вышивку. – Женщина отложила иглу, перехватила взгляд воспитанницы и пристально посмотрела ей прямо в глаза: – Этим войнам нет конца. Люди сражаются и умирают каждый день. В тебе течет кровь королей. Если твоя мать такая практичная, какой мы ее считаем, она непременно обменяет тебя на королевство, которое, возможно, могла бы завоевать, но используя силу».

Эльфвина хотя и была совсем юной, но уже осознавала свое положение. Отец не раз заговаривал о брачных союзах, о том, как лучше использовать шанс получить наибольшую выгоду. Вопрос был не в том, выйдет ли она замуж, а в том – когда. Отец всегда был слаб здоровьем, и матушка часто брала на себя обязанности правителя даже при его жизни. После смерти мужа и вовсе полностью сосредоточилась на отражении нападков северных врагов – норманнов и данов. Войны шли одна за другой, и из-за этого заключение брака Эльфвины откладывалось.

Если бы матушка, как собиралась летом, заявила претензии на Йорк, то нашла бы мужчину для дочери, который был бы выгоден и ей, тем что не оспаривал бы ее позиции, и брату, королю Эдуарду. Весной Эльфвина была уверена, что скоро ей придется идти под венец.

Разумеется, никто не стал бы заставлять ее силой. Да и зачем Этельфледе давить на дочь, когда она всегда могла добиться от нее желаемого, напомнив о долге перед королевством. О нем говорили так часто, что он казался ей ничем не лучше меча или ножа, которым орудуют бандиты на дороге.

«Над головой каждого из нас занесен меч, – говорила ей Милдрит, строго глядя на девочку. – Но, послушай меня, только от тебя зависит, разрубит ли он тебя пополам или останется висеть в воздухе».

«Зачем нужен меч, если им не рубить?» В том возрасте она была уверена, что достаточно знает о мечах и людях, ими владеющих. Ведь она провела все детство среди придворных и наблюдала за ними. И они боролись каждый день в каждом замке, где жила Эльфвина.

«У каждого мужчины есть не один меч, дитя мое, – говорила Милдрит. – Тот, который он держит в руке, может тебя убить, но это бывает милостью по сравнению с тем ущербом, который он может нанести другим».

Эльфвина много видела при дворе матери. Порой то, что не совсем понимала, иногда во дворе или в зале. Она видела, как мужчины и женщины совокуплялись, и понимала, что мать ждет от нее сохранения целомудрия, которое может стать хорошим условием для торга. Впрочем, настанет день, когда и ей придется принести себя в жертву. Сколько бы она ни молилась, это лишь вопрос времени.

«Это больно?» – осмелилась она задать вопрос Милдрит, зная, что с матерью не сможет позволить себе такие разговоры.

«Больно, когда случается уколоть палец иглой?»

Эльфвина покосилась на несчастные пальцы.

«Больно».

Женщина пристально посмотрела ей в глаза. Девушка запомнила этот взгляд так отчетливо, словно разговор происходил только сегодня, а не много лет назад. Запомнила морщинистое лицо и сжатые зубы. А еще сочувствие в глазах.

«Но ты ведь знаешь, что научишься владеть иглой, и пальцы будут ловко с ней управляться, не будет нужды терпеть боль. Никогда не забывай об этом, дитя».

С того дня Милдрит прожила только три зимы. Но Эльфвина сделала так, как та ей велела, – она не забыла. Теперь, продвигаясь по темноте лесу, она не могла думать ни о чем другом. Пыталась представить на месте извивающихся в объятиях друг друга мужчин и женщин, которых видела так много, себя и этого великана, что сидел на лошади позади нее. Это казалось простым и невозможным одновременно. Однако Эльфвина отметила, что воображение заставило ее затаить дыхание.

– Мое имя тебе известно, могу я узнать твое? – произнесла она.

Она приближалась к моменту смерти и отчего-то хотела знать, человек с каким именем отправит ее в мир иной. Казалось, она совершает... своего рода подвиг, осознанно подчиняясь судьбе.

– Торбранд, – ответил он глухим голосом.

Торбранд.

«Это всего лишь имя, – сказала она себе. – Оно не должно отдаваться дрожью внутри».

Они ехали вперед, хотя он едва ли видел дорогу лучше, чем она. Воздух становился все холоднее, пелена снега все плотнее. Эльфвина понимала, что едва ли уехала так далеко, если отправилась бы в путь одна, даже исключая вмешательство живого существа в ее планы. Достаточно плохой погоды. Что с ней стало бы? Скорее всего, замерзла бы и умерла на обочине.

Впрочем, она и сейчас боялась этого, время от времени нервно вглядываясь в чашу.

В момент, когда, казалось, ее охватило отчаяние, между деревьями мелькнул огонек. Эльфвина затаила дыхание. Торбранд прищипорил кобылу, сжал сильнее ноги девушки бедрами и поскакал прямо на свет.

Она отбросила мысль, что это люди, посланные дядей, или бандиты. Внезапно стало легко и спокойно, отчего-то появилась грусть, что поездка закончится так быстро. Что ж, она согласна ее ненадолго прервать. Совсем ненадолго.

Торбранд выехал на поляну, окруженную с трех сторон деревьями, с четвертой же был высокий, как стена замка, обрыв. Он спешил так легко и быстро, что Эльфвина на мгновение растерялась, лишившись опоры. Оказывается, она уже привыкла к его теплу и определенной поддержке.

Сохранять спокойствие было совсем непросто, ведь при ближайшем рассмотрении стало ясно, что мерцавшим огоньком оказался ярко разожженный костер, у которого сидели двое, размером не меньше Торбранда. Они определенно воины и также норманны. Один был мрачен, тоже как Торбранд, и у него были такие же глаза, похожие на две льдинки, и шрам на щеке. У второго волосы были рыжими и заплетены в косы, а взгляд – безжалостного убийцы.

Ей было страшно тогда, на дороге, но сейчас повод страшиться был серьезнее. Строя предположения, что ждет ее в будущем, подобного варианта она не рассматривала. Такое даже не приходило в голову: она одна в ночном лесу с тремя воинами-норманнами, возвышавшимися у костра, как три скалы.

Эльфвина с ужасом оглядела поляну – шатры из натянутых на деревянные столбы кусков ткани, пламя костра, – будто искала доказательство того, что перед ней все же люди. Впрочем, это не важно, они все равно чудовища – кем еще могут быть существа такого роста и устрашающей внешности. Что они с ней сделают? Будут использовать, как мужчины всех своих рабынь?

Давным-давно Милдрит учила ее, что удел женщин – терпеть. Матушка, правда, не прямо, но соглашалась с ней. Прямо говорила только Милдрит. Жизнь мужчин коротка, женщины живут дольше, хотя о них и не слагают баллады, но судьба их часто очень тяжела. Смысл этих слов Эльфвина поняла только этой ночью.

Матушка часто повторяла, что завоевать можно любое королевство. И королева в одночасье может стать рабыней. Мудрая женщина должна быть готова заранее понимать, как поступить, чтобы выжить.

Торбранд повернулся к ней, и девушка по его взгляду, темному, пронзающему насквозь, поняла, что всего ее воображения не хватило бы представить возможное будущее.

Не отрываясь от ее глаз, он положил руки на талию Эльфины и поднял девушку так, будто она весила не больше кружки, поднимаемой им не раз во время попойки. Он наблюдал за ней, даже опустив на землю прямо перед собой.

– Ты можешь стоять? – раскатисто произнес он, и звуки голоса вновь отозвались эхом внутри нее, хотя она уже не прижималась спиной к его торсу.

Тяжесть в теле и страх сейчас были сильнее, чем ужас от происходящего.

– С... Спасибо, – пробормотала она и замолчала, не представляя, стоит ли еще что-то говорить, ведь ноги действительно отказывались держать ее.

Из-за полноты переживаемых эмоций Эльфвина забыла о холоде, снеге, от которого капюшон намок, и струи ледяной воды теперь стекали по шее. Она должна была замерзнуть, но вместо этого тело ее горело, словно она сидела у огня, а не ехала через зимний лес, слушая вой волков вдалеке.

Что-то мелькнуло в глазах Торбранда, его рот изогнулся, но совсем чуть-чуть. Отчего же эмоции внутри столь сильны?

– Леди Эльфвина, – наконец произнес он и повернулся к мужчинам у костра, – позволь представить тебе Ульфрика и Леифа, моих родственников и товарищей по оружию.

Лица обоих не изменились – оставались каменными, как и прежде.

От Эльфины не укрылось, что Торбранд не скрыл насмешку в голосе, вел себя так, словно они находились при дворе ее дяди, а не в лесной глуши, где ее титул мог быть использован только против нее. И все же у нее тоже есть оружие.

– Желаю здравствовать, – приветствовала она, сдержанно улыбнувшись по всем правилам. – В вашем обществе я не опасаюсь за свою честь, ведь сюда меня привез ваш родственник. Истинно сказано, друзей не может быть слишком много. Это так верно, правда?

Глава 4

Торбранд наслаждался, наблюдая за смелой и умной Эльфвиной. Ему нравились ее быстрое мышление и способность сглаживать углы там, где он вспылil бы, приняв слова за откровенный вызов. Пусть такие разговоры, больше похожие на пикировки, вполне обычны при дворе, но все же его поражало, как легко ей давались эти игры.

Также ему нравилась реакция друзей. Ульфрик поглядывал на женщину с появившимся в глазах любопытством, словно перед ним загадка, которую не терпится понять. Возможно, он гадал, откуда у такой хрупкой принцессы из Мерсии столько смелости так с ними разговаривать. Реакция Леифа была похожей. Видно, что кузен относился к происходящему совсем не так, как еще утром, когда похлопал его по плечу и выразил сочувствие по поводу полученного от короля задания.

Эта леди Эльфвина была очень мила и привлекательна.

За время, проведенное в дороге, он не раз удивлялся реакции собственного тела на сидящую перед ним женщину. С неба падал снег, но ей было тепло рядом с ним. Член немного побаливал от давления ее мягкой ягодицы. Когда он смотрел на нее в упор, она не отвечала высокомерным взглядом, не задирала нос, напротив, опускала глаза и всем видом демонстрировала кротость.

Была ли она таковой на самом деле? Или все же дерзкой, что часто демонстрировала своими речами. Возможно ли, чтобы обладала этими чертами в равной мере? Торбранд не помнил, когда в жизни встречал женщину, истинную натуру которой было непросто распознать. Но подобных мыслей не следует себе позволять, ведь она пленница.

Торбранд молча наблюдал за братом и кузеном, позволив им приглядеться к мерсийской леди, которую им скоро предстоит принять в семью. Вот только неизвестно, кто сейчас кого проверял.

– Там, откуда ты родом, женщины боятся за свою честь, когда рядом мужчины? – спросил ее Ульфрик низким голосом и окинул хмурым взглядом.

Впрочем, он всегда был мрачен. По крайней мере, с того дня, когда купленная им в Дублине рабыня порезала его щеку ножом и сбежала.

– Мне и в голову не приходило вас оскорбить, – пробормотала Эльфвина. – Напротив, я желала отметить ваши заслуги.

– Хороший ответ, – кивнул Леиф.

Его взгляд скользнул по статной фигурке женщины, глаза сверкнули, что совсем не понравилось Торбранду. Он никогда не стал бы сомневаться в кузене, боги тому свидетели, но насторожило собственное желание остановить его не только словом, но и кулаком. Отчего он ведет себя как глупый мальчишка?

Ульфрик все же выказал неодобрение, издав глухой звук. Торбранд даже не взглянул на брата, а подошел к Эльфвине и подвел ее ближе к костру, разожженному неподалеку от дерева. Машинально поднял голову, чтобы осмотреть ветки: ведь, если на них остался снег, он может упасть и потушить огонь. Разумеется, ветки были очищены, к тому же снегопад прекратился. На темном небосклоне вспыхивали звезды – боги подсказывали Торбранду, что путь его верен.

– Грейся, – хрипло сказал он пленнице. – Мы останемся здесь на ночь.

Он был уверен, что услышит возражения, но девушка не издала ни звука. Только покорно чуть придвинулась к огню. В его свете длинные черные ресницы отбрасывали тени на щеки, разжумянившиеся от холода, а возможно, и по другим причинам. Снежинки еще блестели на ткани ее подбитого мехом плаща, оттого казалось, что она сама переливается, словно звездочка.

Торбранд мог признаться себе, что с неохотой оставил у костра Эльфвину, и подошел к ожидавшим у лошадей братьям.

– Не похоже, что с пленницей плохо обращались, – произнес по-ирландски Ульфрик, снимая с лошади сумки Эльфвины и швыряя их в руки Торбранду. Тот поймал поклажу, взвесил в руке и забросил на плечо. – Она смирилась с судьбой? Неужели так легко приняла свое будущее?

Они выучили ирландский еще в детстве и пользовались им, чтобы открыто говорить среди саксов, на чей родной язык оказало слишком большое влияние вторжение данов и норманнов, начиная с нападения на Линдисфарн, из-за чего понимали друг друга лучше, чем хотели бы в эти времена борьбы за границы, передел новых земель, постоянных побед и поражений.

Краем глаза Торбранд наблюдал за Эльфвиной, пытаясь угадать по выражению лица, понимает ли она их, но та спокойно сидела у огня, ожидая, когда растает снег и подсохнет одежда.

– Ты неводишь с нее глаз, – сказал Леиф и рассмеялся. – Пришлось потрудиться, чтобы ее заполнить?

– Я даже не вытащил меч. Охрана и дядя предали ее. – Торбранд с трудом заставил себя отвернуться от девушки. – Все вышло так, как мы предполагали.

Посланные в Тамворд люди подробно сообщали о перемещениях Эльфвины, и после того, как Эдуард наконец объявил о своих планах на племянницу, им оставалось только ждать. Братьям было известно, что за день до отправления принцессы, замок покинули десять человек, и, проследив за ними, Торбранд узнал о готовящейся засаде.

С самого часа отъезда Эльфвины, они следовали неподалеку, а сопровождавшие ее солдаты ничего не заметили. Братья двигались бесшумно, словно тени, то обгоняя цель, то отставая. Когда удалось найти подходящее место для лагеря, двое остались там, а Торбранд отправился выполнять задание. До последней минуты он не верил, что все получится так легко.

«Труссы», – с отвращением думал он.

– Надо бы их хорошенько проучить, – заключил Ульфрик. – Едва ли они ушли далеко, скорее всего, остановились в ближайшей деревне, если справились с волками. Да и тем, что до сих пор ждут в засаде, чтобы схватить леди, тоже должен понравиться вид наших мечей.

Торбранду было хорошо известно, что брат больше всего любил работать мечом. Чем больше крови, тем лучше. Отчасти потому он и стал таким грозным воином. Ульфрик мечтал не о мире, а о вечном бое, до той поры, пока его не выберет валькирия, решив, что он достоин попасть в небесный чертог.

– Нет, – мотнул головой Торбранд, – они не заслужили легкой и достойной смерти от наших острых мечей. Пусть возвращаются к своему королю и получают наказание от него.

Мужчины согласно кивнули, хотя Ульфрик что-то неразборчиво проворчал.

– Ты сказал ей, какая ее ждет судьба? – спросил Леиф.

Торбранд в ответ пожал плечами:

– Придет время – узнает. Пока, думаю, лучше позволить ей поразмыслить о будущем.

– Христиане любят о нем тревожиться, это верно. И положить свои причитания на музыку.

Торбранд усмехнулся, прошел и сел к костру. Ульфрик же слился с лесом – он первым должен был стоять на страже. Леиф занялся лошадьми, оставив брата наедине с пленницей.

– Пойдем, – сказал он ей, – тебе надо поесть, позади, да и впереди, длинная дорога.

Глаза Эльфвины сверкнули, щеки покраснели еще больше – опять же непонятно, от холода или нет.

Торбранд провел ее в шатер, где она поспешила сесть на пол, устланный шкурами, вблизи огня. Он не причинит ей вреда, он дал себе слово. За ней было любопытно наблюдать. Порой

на ум приходила мысль, что она хитрит, ведет какую-то игру, но возможность лукавства была крайне мала, ей неоткуда узнать о его планах. Едва ли она поняла их разговор; когда он подошел, она отрешенно смотрела на языки пламени, словно они плясали перед ней живые.

Сняв с плеча сумки, он положил их у ее ног. К его удивлению, девушка улыбнулась.

– Благодарю, – произнесла она легко и безмятежно, и от ее голоса стало теплее, будто в шатре тоже горел костер. – Я не взяла с собой много вещей. К чему монахине мирское. В этих сумках все мое имущество.

Погрустнев, она потянулась и коснулась одной. Выражение ее лица... задело что-то внутри. Торбранд не понимал, что это, что за новое ощущение. Сейчас надо думать о деле, а не эфемерных вещах.

Он взял походный мешок, в котором была обычная для такого путешествия провизия, с учетом, что предстояло долго идти морем или, как сейчас, оставаться в лесу зимой, когда охота не всегда может быть удачной, достал им по куску копченого мяса, соленой рыбы и твердого сыра, половину протянул Эльфвине. Не сразу, но она взяла. И поступила так потому, что была умнее, чем он мог предположить до знакомства с ней. Хотя сейчас он старался не обращать внимания на ее взгляд, будто пронзающий его насквозь.

Торбранд сел рядом, заняв, пожалуй, большую часть свободного пространства, и сразу заметил, как напряглась Эльфвина. Он принялся есть, глядя на огонь, и вскоре она успокоилась, дыхание выровнялось. Подождав еще немного, она тоже приступила к еде. Он наблюдал за ней краем глаза, вновь ощущая, как внутри появляется нечто непривычное. Похожее на возбуждение, но несколько другое, с тем ему было проще справиться.

– Куда ты меня везешь? – спросила Эльфвина, проглотив последний кусок.

– На север, – ответил Торбранд.

Она перевела дыхание, словно хотела сказать что-то еще, но промолчала. И что она будет делать? Заплачет? Торбранд украдкой посмотрел на женщину, но нет, лицо ее спокойно, взгляд прикован к огню. Их бедра соприкасались, как и полы плащей, но она не двинулась с места и не поменяла позу.

Она внезапно вспомнила, как соприкасались их тела, свои ощущения во время самой медленной поездки верхом в ее жизни.

Торбранд никогда не позволял себе ласки с женщиной, это не было ему нужно. Он выбирал женщин дерзких и похотливых, с крутыми бедрами и большой грудью, чтобы можно было зарыться в нее лицом. Любил, когда соитие проходило шумно и долго. Та, которая сидела рядом с ним, не заставит не спать полночи всю таверну.

Каждое ее движение было грациозным, стояла она или сидела. Когда она приняла протянутую еду, он невольно отметил, что его ладонь вдвое больше. И все же при всей хрупкости она не дрогнула, не склонилась перед ним. Не лишилась чувств, не пролила ни слезинки.

Эта мерсийская принцесса нравилась ему все больше, хотя он понимал, как это глупо.

Впрочем, не важно, какие чувства она в нем вызывает, финал предрешен, его не изменить. Она будет рядом до той поры, пока Рагналл не решит использовать ее в своих целях. Таково было поручение короля, а в жизни Торбранда не было ничего, кроме службы и долга, это являлось смыслом его существования и самой большой радостью. Говорят, если у мужчины нет брата, спина его не прикрыта.

Он умел расслабиться и позволить силе огня проникнуть в тело. Это могло происходить на любой земле, в любое время. В такие минуты, когда одно сражение позади, а следующее впереди, он думал, как хорошо было бы оказаться в доме. Однако, пережидая время между войнами в доме, он каждый день мечтал оказаться там, где нет стен и вместо крыши – звездное небо. Темнота, особенно в лесу, была хорошим укрытием недругам и диким животным, но он знал, что Ульфрик всегда рядом, а в руках его острый меч.

Эльфвина по-прежнему сидела неподвижно и смотрела на пламя. Торбранд не стал нарушать ее покой и тоже молчал, пока не заметил, что она дрожит.

– Твой плащ мокрый насквозь, – хрипло произнес он. – Сними его.

Она посмотрела на Торбранда широко распахнутыми глазами и тут же отвернулась.

– Благодарю, не стоит, все хорошо.

– Кому пойдет на пользу, если ты замерзнешь до смерти?

Она даже не взглянула на него, будто не замечала откровенной грубости. Торбранд поймал себя на том, что смотрит на девушку по-новому. Он понимал, что кротость ее была напускной, но значит, для того должна быть причина. Почему дочь госпожи мерсийцев притворяется слабой? Неужели все слухи о ней – ложь? Он хотел понять, отчего она носила эту маску, отчего играла роль робкой и покорной женщины? А ведь он поверил, что так и есть, но это была лишь игра. Выходит, Эльфвина из Мерсии не так проста, как хочет показать.

Торбранд отодвинулся вглубь шатра, накрылся шкурами и принялся с любопытством разглядывать ее безупречно ровную спину. Поза говорила о внутреннем напряжении, хотя она не могла знать, что он за ней следит.

Он не стал вновь предлагать ей снять плащ. Пусть все идет своим чередом, он хорошо владеет искусством ожидания.

Время шло, настал момент, когда Эльфвина все же приняла решение последовать его совету. К тому моменту она тряслась так сильно, что казалось, упадет на пол. Она развернулась, подползла ближе к нему и устроилась рядом в укрытии из шкур. Затем встала перед ним на колени, и он был рад, что свет огня позволяет лучше разглядеть ее лицо и глаза, в которых сверкали золотые искры. Сейчас они были широко распахнуты, в них отчетливо читался страх. Торбранд задумался, что же могло ее напугать.

Эльфвина развязала тесемки плаща и с грацией, неуместной в шатре, отложила в сторону. Теперь он мог видеть, что было скрыто под его плотной тканью и капюшоном с отделкой мехом. Намотанный на голову шарф цвета слоновой кости был совсем мокрым, особенно спереди. Торбранд подался вперед, легко дотянулся с места до булавки, скрепляющей ткань. Ее одной было достаточно, чтобы рассказать все о положении владелицы. Работа была тонкой, изящной, а драгоценные камни дорогими.

– И его снимай, – сказал Торбранд, не решившись прикоснуться к украшению.

Эльфвина сглотнула. Очевидно, она совсем не желала представлять себя на его обозрение, чего он, откровенно говоря, очень ждал.

Торбранд мог бы заверить, что не намерен причинить ей вред, какие бы удовольствия им ни сулила эта ночь. Он искренне хотел успокоить девушку, объяснить, что ее здоровье и благополучие в его интересах. Он мог бы, однако не стал ничего говорить. Может, из любопытства, желая увидеть, как она будет себя вести.

Ведь сейчас, как ни крути, он единственный, кто может ее защитить от внезапной угрозы.

Эльфвина опять не стала протестовать и размотала шарф, волосы под которым оказались светлыми, с удивительным золотистым отливом. Они были заплетены так, что походили на обод из солнечных лучей. Они озарили все вокруг светом в это мрачное время года, когда еще так далеко до яркого и теплого лета.

Торбранд во все глаза смотрел на Эльфвину, на мгновение даже забылся. Такая способна заставить мужчину сделать все, что тот пожелает. Однако на него ее колдовство не подействует.

– Сними все мокрое, Эльфвина, если не хочешь сделать себе хуже. Ты можешь мне не верить, но я вовсе не намерен потерять тебя. Из-за недуга или чего-то другого.

Глаза ее сверкнули.

– Ты человек грешный, но добрый и милосердный.

Никогда в жизни ему не хотелось так сильно прикоснуться к губам женщины, с которых слетают эти ледяные слова, которые должны ранить, словно кинжалом. Несильные, хоть и чувствительные уколы.

Эльфвина молча развязала ленты и сняла обувь. Торбранд скинул свой плащ и пристроил его так, чтобы закрыть щель, через которую проникал свет наружного костра. Затем взял ее вещи и повесил сверху, чтобы они просохли за ночь.

Повернувшись, он увидел, что женщина сидит там же, она даже не пошевелилась. Теперь, разглядев ее, он мог с уверенностью сказать, что она поистине прекрасна, сразу видно, что из королевского рода, хотя одежда и была довольно скромной для леди ее положения. Украшавшее шею ожерелье не роскошное, но изящное, простолюдинке такое недоступно.

И все это теперь принадлежит ему.

Осталось только получить то, чего он желал больше всего.

Он скинул свою мокрую одежду и тоже развесил у огня. На нем осталась только шерстяная рубашка и штаны, которые он надевал под одежду в холодную погоду. Теперь в шатре стало темнее.

Эльфвина следила за каждым его движением. Он неплохо знал женщин и понимал, что она испытывает не только страх перед неизвестным, но и любопытство, и желание узнать будущее.

Взгляд ее скользнул по его торсу, затем опустился ниже. Глаза стали круглыми от возмущения. Он чувствовал, как набухает его член, как становится тверже под ее взглядом.

– Ты можешь отблагодарить меня, леди Эльфвина, за то, что я спас тебя от унылой жизни в труде и бесконечных молитвах.

Ему нравилось, что слова вызвали у нее дрожь, и он усмехнулся, видя, как она отчаянно пытается это тщетно скрыть. Губы ее разомкнулись, и Торбранд испытал желание провести по ним кончиком языка. Наверняка у них медовый вкус. Он был почти в этом уверен.

– Такая жизнь точно не для тебя.

– Ты ошибаешься, воин. – Она потупила взгляд. – Будь я вправе выбирать свой путь, давно стала бы Божьей невестой.

Торбранд подвинулся ближе и лег рядом с ней, смеясь про себя при виде того, как заливается краской ее лицо.

– И о чем ты молилась бы?

– О мире. – Она не медлила с ответом, будто всегда его знала.

Эта женщина, пожалуй, всегда жила в благополучии и покое, едва ли ей известно, что такое война, чтобы желать мира. Ее мечты не имели ничего общего с тем, чего желал он.

Внезапно его тело заныло, он решил, что всему виной холод. «Все же на дворе декабрь», – подумал он.

– Я видел ваши монастыри. – Некоторые были разрушены при его участии, но он решил не упоминать об этом. – Колокола звонят по часам. Молитвы на латыни. Умерщвление плоти. Это твой желанный мир?

– И каждый следующий день похож на предыдущий, – задумчиво произнесла Эльфвина, и Торбранд увидел тот же взгляд, который изредка замечал раньше, когда она снимала маску кротости.

Сразу снова вспомнилось детство, матушка, песни, которые она пела во время работы. Торбранд сжал зубы.

– Жизнь монахинь простая и достойная, – продолжила принцесса. – Они работают, едят и, самое главное, регулярно молятся. Никаких разъездов, преследований из-за того, кто что сделал или сказал, что так часто бывает при дворе, интриги, стремления добиться расположения короля. В жизни монастыря есть упорядоченность и гармония.

Торбранд рассмеялся.

– Но за стенами монастыря невозможно ощутить себя в безопасности, Эльфвина. Эту идиллию с легкостью разрушит любой воин, если пожелает. Что могут сделать женщины, чтобы защитить тебя?

– Я надеюсь, в их обществе найду умиротворение, обрету мудрость встретить все тяготы, которые предстоит испытать с невозмутимостью и покорностью.

И вот опять этот дерзкий взгляд, словно бросающий ему вызов. Она играет с ним, искушает, а ведь он и так на грани потери контроля. Он должен выдержать, забыть о тоске, так внезапно сжавшей сердце.

– Ты серьезно думаешь, что сможешь укрыться за молитвами и остановить ими войско?

– Мне нечего тебе ответить. – Она опустила голову и потупила взгляд, будто отлично понимала, что он может увидеть в ее глазах. – В любом случае теперь я лишена шанса укрыться в стенах аббатства, разве не так?

– Стать Божьей невестой и служить богам – не твоя судьба, Эльфвина.

Как бы хорошо сейчас повалить ее на шкуры и показать лучший способ получить удовольствия от жизни... Он хотел, чтобы она смотрела на него иначе, с большей симпатией, возможно, сама подталкивала к действиям, однако сейчас, отчетливо ощущая ее запах, он сам не понимал, когда и почему принял решение не опережать события. Там, в лесу, возможно, это было логично, но не теперь, когда одежды на ней значительно меньше.

– Может, тебя это не порадует, но обещаю, удовольствия в твоей жизни будут, они точно смогут компенсировать потерянное.

Как любой мужчина, Торбранд хотел иметь сыновей. Он много думал, как будет их растить, воспитают храбрыми воинами, чтобы потом они могли отличиться в бою. Но о женщине, которая родит их, не думал совсем. О той, которая будет помнить и почитать его в случае гибели в сражении. Сочетанием смелости и покорности Эльфвина напомнила ему мамушку и приносимые ею жертвы ради семьи, включая последнюю. Он помнил, как она тревожилась, когда отец уезжал воевать, и никто не знал, вернется ли он в этот раз. А потом лечила его раны, когда он, окровавленный, появлялся на пороге. Как оплакивала смерть двух старших сыновей, братьев Торбранда, отправившихся вместе с соплеменниками в чужие земли, но так и не вернувшихся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.